

Невидимые зрителю

День безмятежно догорает. Мирно мерцает вода. Небо без единого облачка залито чистым светом. Туман похож на сияющую тонкую ткань, которая спускается с лесистых холмов и прозрачными складками драпирует берега.

Картина настолько естественная, как будто мы, зрители, не в театре. Поглощенные развернувшимися драматическими событиями заключительных сцен «Американской трагедии», мы вовсе не думаем о людях, которые так мастерски воссоздали перед нами живописный уголок далекой Америки.

Эти люди, без которых немыслим ни один спектакль, невидимы зрителю. Их фамилии вы не встретите на афише, их портретов не увидите в вестибюле театра. Это люди скромных профессий — плотники и бутафоры, осветители и костюмерши, гримеры и машинисты. Об этих незаметных тружениках, с которыми актеры ведут повседневные будни, и хочется сегодня рассказать.

...До спектакля еще далеко. Зайдем в Латвийский государственный академический театр драмы через служебный вход.

В часы, когда зрительный зал пуст и погружен во мрак, в цехах театра идет напряженная работа. В костюмерных весело жужжат «Зиксеры», «Туляки» и «Коломенки». Здесь рождаются одеяния королей и нищих, крестьян и дипломатов. На столах у театральными портных вы можете увидеть и фотографии со старинных гравюр, и последние журналы парижских мод.

Виктор Ясунс, Антон Велдрэ,

Либертине Голдшмидте, Вера Пилладе работают в костюмерном цехе много лет. В любом спектакле — большая часть их труда. Они самые близкие люди для актера. Когда готовили постановку «Мне тридцать лет», костюмерши разделяли с артистами радость их успехов и горечь неудач. Не раз Антон Велдрэ подбадривал молодую актрису: — Ну что ты волнуешься? У тебя получится, вот увидишь!

Стоит посмотреть, с каким вниманием прислушиваются актеры, и даже маститые, к мнению заведующего костюмерным цехом Виктора Ясунса, чтобы понять, какую роль играют эти люди в жизни творческих работников.

Как обычно, актер после того, как оделся, попадает в руки парикмахера. Театральные парикмахеры Вера Шаромова, Сильвия Упенице, Байба Банг — подлинные художники, владеющие техникой своего дела.

В Государственном академическом театре драмы актеры гримируются сами. Но когда нужен сложный грим, вызывают художника-гримера из Театра русской драмы т. Ковальского. Так было, например, когда ставилась «Третья патетическая» Николая Погодина. Сколько труда, тонкого чутья понадобилось, чтобы создать внешний облик Владимира Ильича Ленина. Гример все был недоволен: то осторожно отклеивает бровь то снимет с лица пластические наклейки, то начнет заново, точно скульптор, лепить лицо актера. Бывало, изучаются оба, но, наконец, гример на-

ходит то, что искал, и тогда разлаживаются складки на его лице. И так каждый раз. Каждая гримировка — это поиски, творчество.

Вряд ли кто из зрителей представляет себе многообразную работу бутафора. Он совмещает в себе множество талантов и профессий — историк и художник, изобретатель и слесарь, химик и токарь. Тысячелетняя история материальной культуры для него хорошо знакомая комната, в которой нет той. Хуго Янсон и Лидия Куле — люди богатые на выдумку. Прямо поражаешься, какие прекрасные вещи сделаны их руками. Сейчас театр готовит постановку «Жанна д'Арк». Много предстоит сделать бутафорам. Тут и средневековое оружие, и доспехи для рыцарей, и королевские украшения. Какие только материалы не используются здесь — и медь, и фанера, и картон, и пластмасса!

Рука об руку с ними трудятся мебельщики-реквизиторы. Они призваны думать о том, какую поставить в каждом акте мебель, повесить картину, люстру, настлать ковры, не забыть положить на нужное место вещи, которые требуют по ходу действия актер. И надо отдать должное Карлису Алчманису, Артуру Стрехтерису, Софье Блузика — у них всегда все на месте.

Одной из важных красок в том боюшом полотне, которое в целом составляет искусство театра, является свет. Успех любого спектакля зависит от того, как он освещен. Установ-

лещет огромная работа режиссуры, художника, осветителя.

Самым сложным маякоством на сцене, пожалуй, является электроцех с его сердцем — регуляторной будкой. Обилие приборов, рычагов, рубильников в цехе может привести в растерянность кого угодно, кроме тех, кто здесь работает — Якова Килпса, Эгонса Розенфельда, Бруно Ранциса, Яниса Гричберга.

В регуляторной будке стоит агрегат, который трудно сплести словами. Некоторые называют его в шутку «роялем». И в этом есть доля правды.

— Вот этим, — показывает заведующий освещением Яков Килпс, — делают ночь. Этим — восход солнца. Этим пускают облака, а этими — дождь, снег, пожар.

Отсюда из регуляторной будки идет управление целой батареей софитов, выстроившихся под самым потолком, прожекторами и «пистолетами» и многими другими световыми эффектами. Они превращают тряпки и дешевые побрякушки в сказочные наряды и сверкающие уборы.

Руками столяров Александра Каллхаса и Карлиса Швабе сооружаются башни, павильоны, деревья и многое другое. А сколько труда надо, чтобы в короткие минуты сменить декорацию!

И еще об одном человеке хотелось бы рассказать: о помощнике режиссера. Театр принял к постановке пьесу. Первая чужка по ролям. С нее и начинается работа Аниты Тамулена. Она вносит в свой экземпляр текстовые поправки, все замечания режиссера, все паузы актеров, устанавливает свет, музыку, звукомонтаж, гром, выстрелы — вещи необходимые по ходу спектакля. Она дает сигнал на поднятие занавеса, перемену декорации. Она — невидимый для публики волшебник, который приводит в движение всю внешнюю часть спектакля.

В дневные часы театральное здание напоминает зрителям корабль, когда команда сошла

на берег. А между тем на судне идет жизнь, без которой не было бы этих «от 7 до 11», — тех часов, ради которых существует театр. Корабль готовится к плаванию с утра, чтобы в 19.00 можно было дать сигнал к отплытию, чтобы в каждом рейсе не пустовали места пассажиров.

Л. Берзинь

● Бутафор Гуго Янсон — настоящий мастер своего дела.

● От мастера электроцеха Якова Килпса многое зависит — он может погрузить сцену по тьму или озарить ее солнечным светом.

